

В. Н. Порус

Логическая семантика как инструмент критики трансцендентализма

(К публикации статьи К. Айдукевича «Проблема трансцендентального идеализма в семантической формулировке»)

Настоящей публикацией я хотел бы внести еще одну посильную лепту в издание на русском языке трудов выдающегося польского логика и философа Казимежа Айдукевича (1890-1963). До сих пор, насколько мне известно, единственной переведенной (мною же) на русский язык его работой является статья «Картина мира и понятийный аппарат»¹, давно признанная одной из важнейших вех в истории аналитической философии XX века. Опять же, насколько мне известно, поговаривают, что вскоре некоторые работы Айдукевича выйдут на русском языке в антологии трудов «Львовско-Варшавской школы». Ей-богу, давно пора. Конечно, лучше поздно, чем никогда, но расхожая мудрость эта утешает все же очень и очень слабо. Не слишком ли поздно? Библиотека мировой философии на русском языке растет сейчас как на дрожжах (только тот, кто помнит, какими скудными, часто скрытными струйками вливалась в нашу интеллектуальную жизнь мировая, в том числе и изгнанная российская, философия полтора-два десятилетия назад, может понять нынешних седых и нищих профессоров и доцентов, радостно платящих чуть не половину своей долгожданной месячной зарплаты за пару книг, о которых прежде не могли и мечтать), но, право же, эта радость — со слезами на глазах. Книги, опоздавшие на многие десятилетия, — что скажут они нынешним неопитам, приспособившимся хватать мысли «с пылу, с жару», а к темам, волновавшим ушедшие и уходящие поколения философов, относиться по завету умника Чацкого «что старее, то хуже»?

Время по-своему судит, как пел Булат Окуджава, и заглядывать в нескорое будущее, кажется, еще бесполезней, чем сетовать на настоящее. Обернувшись лицом к прошлому и отступая от края бездонной пропасти, куда на наших глазах низвергаются пласты бытия, мы все же как-то чуем за спиной твердую почву, обещающую продолжение движения, а значит — жизни. Впрочем, этот не слишком вдохновляющий образ «исторического прогресса» вряд ли пришелся бы по вкусу К.Айдукевичу, полагавшему, что Разум, вооруженный Наукой и облагороженный Моралью, способен вывести из любых тупиков, а в будущее следует идти, не птясь, а уверенно вглядываясь в него. Как большинство учеников и единомышленников К.Твардовского, создавшего уникальный феномен «Львовско-Варшавской школы», Айдукевич верил, что человечеству удастся, наконец, покончить с «идолами», некогда разоблаченными Ф.Бэконом, расчистить дремучие джунгли сознания, осветить самые укромные его уголки светом рациональной мысли, лучи которого разгонят призраки и развеют фантомы *ad majorem hominis gloriam*. К концу XX века мало кто из философов осмелится не назвать эту веру наивной, но говорит ли это в пользу нынешней философии?

Теперь о публикуемой статье К.Айдукевича. К 1936 году, уже сформулировав концепцию «радикального конвенционализма»², он довольно быстро осознал к каким неразрешимым трудностям в обосновании научного знания она ведет. Кратко напомним читателю, о чем идет речь. Согласно этой концепции научная теория в принципе могла быть отождествлена с замкнутой в логико-семантическом отношении языковой системой. Исходные (неопределяемые) понятия такой системы, а также правила логического вывода и эмпирической интерпретации научных предложений основаны на конвенциях; прочие термины определяются через исходные; значения терминов определяются правилами употребления выражений данного языка; нарушение этих правил означает, что с выражениями языка связывается какое-то иное значение и, следовательно, осуществляется переход к иному языку.

Замкнутые и логически согласованные языковые системы, по Айдукевичу, характеризуются следующими особенностями: (а) они не содержат терминов, значение которых не зависит от системы в целом; (б) включение новых терминов изменяет значение всех терминов системы и всякий раз ставит под вопрос ее логическую согласованность. Системы понятий (*Begriffssysteme*) являются взаимонепереводимыми, если по крайней мере одно выражение данной системы не имеет своего перевода в другой.

Это вело к неизбежному и странному для многих современников Айдукевича выводу, что процедуры смены «понятийных аппаратов» и, следовательно, «картин мира» являются *конвенциональными* и не могут быть реконструированы с помощью логики, то есть за счет выявления логических взаимосвязей между сменяющимися друг друга теориями. Это ставило под вопрос основания научной рациональности — вопрос тем более острый, что доказательства «взаимонепереводимости» языков научных теорий основывались на логико-семантических исследованиях — одной из наиболее рациональных сфер методологических штудий. Рациональное доказательство «иррациональности» научного развития — это было «немного чересчур». Перемещение проблемы рационального выбора теории за границы логической реконструкции вызывал (и продолжает вызывать) шок у методологов: слишком долго рациональность теснейшим образом связывалась с логикой, чтобы ее адепты и проповедники согласились легко пережить подобные сотрясения устоев. Нужно было искать выход.

Рассудим вместе с тогдашним Айдукевичем: в каком направлении следовало идти, чтобы прийти к чему-нибудь обнадеживающему?

Прежде всего надо понять, из чего возникла «парадоксальная» ситуация. Среди предполагаемых виновников трое особенно подозрительны. Во-первых, теория научной рациональности, которая основывает свою «реконструкцию» исторического процесса смены одних теорий другими исключительно на простейших логических правилах вывода, явно слишком узка. Айдукевич попытался дополнить такую теорию *прагматическими* критериями, применение которых позволило бы методологу увидеть в решениях, принимаемых учеными, не школьную логику, а сложную совокупность интеллектуальных приемов, среди которых логические выводы играют лишь подчиненную, чисто техническую роль. К числу таких критериев относится, например, признание за научной теорией значительной независимости от опытных данных при решении внутренних концептуальных проблем (впоследствии И.Лакатос назвал это «позитивной эвристикой», то есть способностью выводить такие следствия из принятых положений, которые не только согласуются с опытными данными, но даже «лучше» последних могут исправлять ошибочно полученные результаты опыта или неправильные интерпретации последних); чрезвычайно важен также критерий, согласно которому при выборе теории предпочтение следует отдавать таким понятийным аппаратам, которые «игнорируют как можно меньше опытных данных и которые на различные опытные данные реагируют воз

можно различными способами»³ (это прототип критерия «непрерывного эмпирического роста науки», сформулированного позднее тем же И.Лакатосом). Эти и другие критерии не являются логическими, а представляют собой требования, смысл которых просто передает реальные тенденции научного познания в его истории. Таким образом, методология науки перестает быть логическим «органомом», а идет на сближение с историей науки и дальше — с социологией, социальной психологией научных сообществ, к изучению многообразной совокупности факторов формирования и функционирования «стилей научного мышления». Как далеко можно идти в этом направлении, не рискуя так оторваться от логической почвы, чтобы быть обвиненным (не без оснований) в историческом релятивизме и даже в «иррационализме»? Не зная ответа на этот вопрос, Айдукевич предпочел остановиться на полпути, а его «прагматическая» логика⁴ осталась не реализованным до конца замыслом.

Во-вторых, Айдукевич ощущал определенную непоследовательность в том, что логика выводится из-под контроля эмпиризма и выступает, как утверждали «логические эмпиристы» Венского кружка, лишь инструментом анализа языка науки; тем самым логика исключалась из состава научного знания, что было интуитивно неприемлемо для Айдукевича. Есть основания предположить, что в конце 30-х гг. он начинает размышлять над программой эмпирического обоснования логики, хотя результаты этих размышлений были опубликованы только после войны⁵. Идея, из которой исходил Айдукевич, заключалась в следующем: законы логики могут интерпретироваться как предложения языка, в котором нет аксиоматических правил значения, то есть правил, которыми определяются значения таких предложений, «отрицание которых, независимо от ситуации, в которой это отрицание происходит, указывает на искажение свойственного данному языку способа приписывания значений»⁶; если нет таких правил, то нет и аналитических предложений (тавтологий), следовательно, в таких языках истинность законов логики нуждается в опосредованном обосновании опытом. Это означает, что если логические следствия из принятых теоретических посылок вступают в конфликт с опытом, то не обязательно отбрасывать эти посылки (в соответствии с логическим правилом *modus tollens*), но можно, «несмотря на противоречие с опытом, сохранить естественнонаучную гипотезу, а отбросить некоторые из логических утверждений, играющих роль вспомогательных гипотез, или же, что равнозначно, признать вывод формально неверным, поставить под сомнение правильность его шагов, если в них использовались правила, производ

ные от отброшенного закона логики»⁷; из методологического допущения, связывающего понимание логических правил с опытом, немедленно следует «плюрализм» логических систем. В этом К. Айдукевич, безусловно, опирался на идеи Я. Лукасевича 30-х гг., согласно которым выбор логической системы (многозначной или бесконечно-значной) может зависеть от предметной области, к которой относятся высказывания той или иной научной дисциплины (заметим, что подобные идеи легли в основу т.н. «логики квантовой физики», в которой, например, по «эмпирическим соображениям» не принимаются в качестве правил вывода логические законы коммутативности конъюнкции и дизъюнкции; известно, что Н. Бор скептически относился к подобным идеям, но тема эта до сих пор занимает логиков и методологов⁸). «Плюрализм», допущенный в святая святых рационализма, в логику, конечно, не панацея: во всяком случае, остается неясным, какие именно логические системы, альтернативные классической логике, могли бы помочь справиться с проблемой «взаимонепереводимых» понятийных систем (или с проблемой «несоизмеримости» научных теорий, как она стала называться после работ Т. Куна и П. Фейерабенда 60-70-х гг.). Заметим также, что логические «законы», которые не являются доказуемыми или тождественно-истинными выражениями в некоторых специальных логических системах (например, в логике «движения» Л. Роговского или в т.н. «паранепротиворечивых» логиках), все же фигурируют на уровне металогики, то есть системы логических правил, позволяющих корректно рассуждать при построении самих этих систем⁹.

Наконец, в-третьих, подозрительно понятие «замкнутого» и «согласованного» языка, выступающее как основание методологического анализа языка науки. В 1934 г. в статье «Картина мира и понятийный аппарат» Айдукевич еще исходил из того, что это понятие хотя и является весьма сильной абстракцией, но все же может служить инструментом такого анализа. Однако вскоре под влиянием работ А. Тарского он убедился в том, что это понятие не только слишком абстрактно, но и логически не вполне корректно¹⁰. В то же время эти работы¹¹ укрепили его надежду на строгое, логико-методологическое корректное применение понятия «истины» (именно слабость этой надежды и толкала методологов на «обходные» маневры, чтобы избежать существенных употреблений этого понятия). Однако тем самым ускользала почва из-под «радикального конвенционализма», жестко связывавшего «истину» с выбором «понятийного аппарата»; если ранее Айдукевич полагал, что говорить об истинности научных суждений можно только указывая на понятийный аппарат

или «картину мира», в котором эти суждения фигурируют, то теперь он вернулся к надеждам на универсализацию определений истины, не связывая эти определения с конкретными понятийными системами.

Именно в это время Айдукевич постепенно отошел от позиции «радикального конвенционализма» и попытался опереться на логико-семантические идеи Тарского, которые, ему представлялось, открывают новые и широкие перспективы для эмпиризма как программы эпистемологических исследований. С этим связаны его попытки применить эти идеи для критики философских позиций, противоположных эмпиризму: трансцендентализма (в его неокантианской интерпретации) и субъективного идеализма¹².

В докладе, сделанном на III Польском философском конгрессе (Краков, 1936), К. Айдукевич пытался решить первую из этих задач. Читатель обратит внимание на то, что в первой части этого доклада Айдукевич выступает как популяризатор и пропагандист логико-аналитических методов в их применении к решению проблем онтологии и гносеологии вполне в духе Б. Рассела или Р. Карнапа. То, что в докладе на столь представительном форуме так подробно разъяснялись некоторые простейшие положения формально-логического и логико-семантического анализа, говорит о том, что в то время эти положения еще не были общеизвестными; тем более были внове рассуждения о «семантической теории познания», то есть о применении логико-семантических средств к решению гносеологических проблем. Айдукевичу потребовалось, например, специально разъяснять, что «теория познания, если мы не касаемся познания в смысле психологическом, но говорим об объективном познании, т.е. о познании в логическом смысле, может разрабатываться как наука, утверждения которой относятся к выражениям некоторого языка, обладающим определенными значениями». Поэтому по крайней мере некоторые важнейшие проблемы теории познания могут быть переформулированы в терминах логической семантики. Когда такая переформулировка оказывается возможной, решение проблемы может оказаться чрезвычайно простым, тривиальным. Но опасаться тривиальности, полагал Айдукевич, не следует, ибо возможно, что кажущаяся сложность и неразрешимость проблем такого рода — это просто следствия того, что они плохо и неточно сформулированы.

Примером такой неточности, которая, по мнению К. Айдукевича, является причиной глубокомысленной путаницы, может служить т. н. концепция трансцендентального субъекта, развитая неокантианцами. Почему К. Айдукевич выбирает именно этот объект критики?

В год, когда состоялся III-й Конгресс польских философов, на котором делал доклад К. Айдукевич, умер Генрих Риккерт, один из самых заметных и влиятельных философов Европы, после смерти Вильгельма Виндельбанда (1915) унаследовавший профессорскую кафедру в Гейдельберге и роль лидера Баденской школы неокантианства. В 30-х гг. когда в Австрии, Германии, Польше, Чехословакии выросло и окрепло движение логического эмпиризма, оно стало теснить неокантианскую философию науки, выступив против ее трактовки и философии, и науки. Лидеры Марбургской школы — Г. Коген, П. Наторп, Э. Кассирер — в анализе научного познания опирались на трансцендентальный метод, полагая его не только методом философского рассуждения, но и методом «самой науки». Научное познание, как они его понимали, направлено к своему предмету как к «регулятивному принципу», бесконечно удаленной цели, которая «сама по себе» никогда не дана в познании и, следовательно, не может выступать в роли гаранта объективности и истинности. Вместе с тем такие гарантии нельзя получить и из анализа познания как психологического процесса (*Bewußtseinvorgang*), протекающего в сознании индивидуального субъекта. Поэтому теория научного познания должна быть освобождена от психологизма (антропологического обоснования единства и объективности знания). Гаранты универсальности, истинности и объективности следует искать в логической структуре науки, а теория познания должна стать «логикой чистого познания». Антипсихологизм и ориентация на логику внешне сближали теорию познания марбургцев с первоначальными декларациями «Венского кружка», но расхождения между неокантианцами и неопозитивистами были значительнее этого поверхностного сходства.

Прежде всего, марбургцы скептически относились к возможностям формально-логического анализа (к тому времени получившего сильнейший стимул со стороны математической логики); они призывали логику заниматься анализом «форм мышления», а не формальных структур языка. Для них существенным было различие между «предложениями» (*Satz*), носителями смыслов, и «суждениями» (*Urtheils*), носителями значений. Именно смыслы являются «строительным материалом» для всех познавательных конструкций, совокупность которых и образует ту «действительность», которая является одновременно и предметом, и продуктом познания. Истинность и объективность (не только логики и математики, но и любых научных систем понятий) гарантируются не эмпирическим обоснованием знания, а его внутренней логической согласованностью и систематичностью. Однако понимание критериев этой логики

ческой согласованности у неокантианцев было укоренено не в традиции анализа языка, а в восходящей к Канту традиции «категориального синтеза» на основе «чистых рассудочных функций» (Наторп). Таким образом, и в понимании логики с ее задачами, и в понимании роли эмпирического опыта, т.е. в самых принципиальных моментах теории познания, логические эмпиристы, а также логики и философы Львовско-Варшавской школы резко расходились с неокантианцами.

Еще в большей степени это относилось к Баденской школе. Согласно В.Виндельбанду, философия может противостоять губительному для нее релятивизму («Релятивизм — это отставка философии и ее смерть»), лишь став учением об общезначимых *ценностях*, «которые образуют общий план всех функций культуры и основу всякого отдельного осуществления ценности»; «она рассматривает их не как факты, но как *нормы*», в которых она открывает и постигает законы разума¹³. Таким образом, уже не «логика чистого познания» (Коген), а постулируемый мир ценностей, которым подчинены мышление, воля и чувство, выступает гарантом единства, достоверности и объективности знания. В этом смысле познавательная деятельность ориентируется не на то, что «есть», а на то, что «должно быть»; знание существенным образом зависит от оценки, которая не зависит от произвола субъекта, а подчинена «сверхиндивидуальной» и общеобязательной норме. «Нормальное» сознание — сознание, деятельность которого соответствует всем нормам такого рода. Это и означает, что «философия есть наука о нормальном сознании»¹⁴. Но что такое «нормы» и почему они обладают столь принудительной мощью, подчиняя себе всю сознательную деятельность человека?

Согласно Г.Риккерту, происхождение норм имеет двоякий источник: с одной стороны, это «априорная» по отношению ко всякому познавательному акту установка на смысл истинного *предложения* (то есть объективного знания), а не на смысл *суждения* (субъективного полагания значений). Смыслы «трансцендентны», то есть полагаются «над» всяким познанием как его ориентиры; они и выступают как условие («априорное») нормативности, подчиняющей себе суждения. Но, с другой стороны, само полагание этих смыслов не связано с какой-либо мистикой и не имеет ничего общего с трансцендентностью платоновских идей. Оно проистекает из исторического процесса культурного развития, в котором и обнаруживается воплощение «ценностей» или «норм» в «объектах» или «фактах» культуры. Тем самым изменяется — по сравнению с метафизической онтологией — смысл «трансценденции»: она не противостоит позна

ющему субъекту как нечто запредельное по отношению к его познавательным возможностям, а «полагается» им как всеобщее и необходимое условие осуществления этих возможностей.

Поскольку же «трансцендентные» нормы все же должны служить надежной защитой от релятивизма и субъективного произвола, необходимо не только различать между «психологическим» и «гносеологическим» субъектами, но и придать последнему «трансцендентальный» статус. Это означает, что субъект познания у Риккерта — это «сознание вообще» (*Bewußtsein überhaupt*), чистая деятельность, не связанная условиями индивидуальной субъективности и конкретными (материальными) обстоятельствами познавательных процессов¹⁵; именно это и называет Айдукевич «загадочной персонификацией», обладающей таинственным единством, которая неизбежно должна была трансформироваться из «сверхиндивидуальной сущности» в совокупность своих функций.

Разумеется, в глазах «радикального эмпириста», каким был Айдукевич, подобная сверхэмпирическая сущность выглядела не только туманной, но и явно подозрительной. Не устраивала его и установка на проведение границ естественнонаучного образования понятий, которой в Баденской школе придавалось исключительное значение. В Виндельбанд и особенно Г. Риккерт возвели высокий барьер между «нотетическим» (генерализирующим) методом естествознания и «идеографическим» (индивидуализирующим) методом исторических наук. Науки о природе, занятые конструированием «законов», не столько приближающим познание к эмпирической действительности, сколько удаляющим от нее, в этом смысле никак не могут служить методологическим образцом для исторической науки, цель которой — «изображение единичного, более или менее обширного хода развития во всей его единственности и индивидуальности, и объекты ее либо сами суть явления культуры, либо находятся в каком-нибудь отношении к культурным ценностям»¹⁶. Безусловно, такая установка шла вразрез с устремлениями логического эмпиризма, для которого именно математизированное естествознание выступало как методологический образец для общественных наук, в том числе и для истории¹⁷.

Теперь понятно, почему К. Айдукевич, заполучив оружие логико-семантической критики, в первую очередь испытал его именно на философии науки Г. Риккерта. Насколько успешной была его попытка?

Очевидно, что ответ на этот вопрос зависит от того, можно ли считать успешным «семантический парафраз тезису трансцендентального идеализма». К. Айдукевич предлагает следующий перевод

понятий Г.Риккерта на язык логической семантики. Трансцендентные нормы он предлагает понимать как основания логического вывода, сформулированные в языке науки. Тогда любые истинные предложения этого языка могут рассматриваться как теоремы, то есть предложения, выведенные из норм по правилам логики. Такой язык представляет собой дедуктивно-замкнутую систему, относительно которой можно поставить вопрос о ее полноте: все ли истинные предложения этого языка являются его теоремами. На этот вопрос есть определенный ответ, опирающийся на результаты А. Тарского (и, разумеется, К.Геделя, имя которого Айдукевич не называет прямо в данном докладе, но имеет в виду его знаменитую теорему о неполноте формализованных систем, достаточно богатых, чтобы содержать в себе арифметику натуральных чисел, доказанную в 1931 г.). Если «трансцендентальный субъект» Риккерта отождествить со всеобщностью истинных (то есть логически производных от трансцендентных норм) предложений, независимо от того, высказывал ли когда-либо какой-либо индивидуальный субъект суждения, соответствующие этим предложениям, то эта всеобщность должна включить в себя и арифметику натуральных чисел, и всякую другую, более богатую систему. Следовательно, по отношению к этой всеобщности справедлива теорема Тарского¹⁸ и, значит, найдется такое истинное предложение, которое не будет теоремой данной всеобщности. Другими словами, допущение о том, что «трансцендентальный субъект» есть совокупность *всех истинных предложений*, являющихся следствиями трансцендентных норм, является ошибочным.

С другой стороны, неокантианцы не видели иного, независимого от норм, пути к признанию истинности суждений. Суждение, полагали они, истинно (или ложно) не потому, что оно соответствует (или не соответствует) некой действительности, не потому, что его истинность может быть эмпирически подтверждена (или опровергнута), а потому, что содержащееся в нем утверждение или отрицание, соответствуя (или не соответствуя) определенной норме, обладает (или не обладает) ценностью истины. Действительность у неокантианцев — это то, что конституируется познанием, определяется миром ценностей. Но если множество истинных следствий, генерируемых этим миром, заведомо не полно, следовательно, должны (или могут) существовать некие «истины», коренящиеся уже не в мире ценностей, а в действительности «вне познания». Мир не укладывается в действительность познания, оказывается шире последнего и существует каким-то «нелегальным», незаконным способом. Действительность, указывает Айдукевич, не может рассматриваться толь

ко как коррелят «трансцендентального субъекта». Следовательно, теория познания неокантианцев противоречива и в этом отношении. Она не выдерживает логической (логико-семантической) критики, если отождествить истинные предложения с «теоремами», выводимыми по правилам логики из ценностно-нормативных оснований, и противоречит своим собственным положениям, если вынуждена согласиться с возможностью истинных, но не выводимых из норм предложений.

Впрочем, здесь следует обратить внимание на возможного виновника этих противоречий. Это «металогический принцип исключенного третьего», существенным образом фигурирующий во всех применениях логико-семантических результатов А.Тарского. Действительно, возможные истины, не выводимые как теоремы из совокупности норм, появляются на свет именно благодаря этому принципу. Это «виртуальные» истины, которых никто и никогда не видел, но которые в любой момент могут появиться, как из шляпы фокусника, чтобы опрокинуть трансцендентальную эпистемологию и тут же вновь исчезнуть. Прегадкий характер принципа исключенного третьего давно известен, и предпринималось множество попыток избавиться от его дурного влияния (конструктивистская или интуиционистская критика этого принципа составила целое направление в математике и ее философии в XX веке). Но именно с применением этого принципа были заложены основания логико-семантического анализа языка, и отказаться от него — значило бы подвергнуть эти основания радикальной ревизии, на что Айдукевич в 30-е годы никак не мог решиться. Кроме того, даже если этот принцип подозрителен, то и это не оправдывает неокантианскую теорию познания, а в свою очередь свидетельствует против нее. Ведь применение логических принципов также соответствует определенным нормам в смысле Риккерта, и это значит, что в структуру «трансцендентального субъекта» должна входить и норма, согласно которой применение принципа исключенного третьего сообщает логическим рассуждениям статус истинности. Если же эта норма, точнее, ее применение, приводит к указанному выше противоречию, то, стало быть, для исправления положения нужно допустить в мир ценностей и прямо противоречащую ей норму, согласно которой не следует применять принцип исключенного третьего, дабы не впасть в парадокс. Каким образом в мире норм уживутся эти взаимоисключающие нормы — остается полной загадкой.

Эта трудность, впрочем, вполне «имманентна» неокантианской теории ценностей. Г.Риккерт трактовал ценности как то, что образует культуру, в которой и только в которой человек способен обла

дать подлинно человеческим бытием. Однако нельзя отрицать, что важнейшей ценностью для человека является возможность свободного выбора, если же культура только ограничивает эту свободу, вынуждая индивида принимать культурные нормы и подчиняться им, то такая культура сама не может рассматриваться как общепризнанная ценность. Допустив же свободу выбора в качестве культурной ценности, придется согласиться с тем, что мир ценностей чреват противоречиями и вовсе не представляет собой взаимосогласованную и логически последовательную систему. Эта важнейшая тема, однако, далеко выходит за пределы моих возможностей в этой статье.

Итак, мы проследили логику рассуждений К.Айдукевича, направленных против «трансцендентального идеализма» неокантианцев. Но мы еще не ответили на поставленный выше вопрос: была ли эта критика действительно успешной, можно ли считать, что легкого прикосновения логико-семантической «бритвы Оккама» достаточно для того, чтобы избавить философию от псевдопроблем, вызванных применением неуточненных понятий? К.Айдукевич, правда, заметил, что он «не такой уж знаток трансцендентального идеализма» и потому не ручается за верность своей интерпретации, не преминув скептически съязвить при этом, что вряд ли кто-то вообще может похвалиться аутентичным пониманием этой философской доктрины. Разумеется, многое могло бы проясниться, если бы на его критику ответили сами неокантианцы. Но ответить было уже некому. В конце 30-х гг. эпистемология неокантианцев уже практически сходила со сцены. Э.Кассирер, переживший почти на десять лет Г.Риккерта, в это время в значительной степени отошел от проблем философии науки в той их форме, которая могла бы допустить продуктивную полемику с неопозитивистами и их союзниками, занявшись философско-культурологическим исследованием «символических форм». Да и поле, на которое завлекали своих предшественников для концептуальных схваток участники нового движения, было совсем не подходящим для мэтров, ведших свою родословную — шутка сказать — от классиков немецкого идеализма! Вряд ли кто-либо из них или их последователей согласился бы обсуждать эпистемологические проблемы на языке математической логики и логической семантики: они не знали этого языка и, как уже было сказано, вообще подозрительно относились к формальному модусу философствования. Парадигмы философии науки неокантианства и неопозитивизма оказались «несоизмеримыми», если употребить этот термин в достаточно вольной трактовке. Некоторые идеи неокантианства стали вновь привлекать к себе внимание именно тогда,

когда неопозитивистская парадигма оказалась охваченной кризисом и ей на смену пришли постпозитивисты, вернувшие философию науки к проблемам эволюции научного знания в культурном контексте. Не случайно, думаю, с концепцией «мира норм» Г. Риккерта аюкаются — каждая по-своему — и концепция «мира объективного знания» К. Поппера, и концепция «нормальной науки» Т. Куна, и даже «антинормативистский анархизм» П. Фейерабенда ставит свой акцент на ценности свободного духа, опять-таки полемически перекликаясь с баденскими культурологическими утопиями.

Я совсем было уж собрался как-то ответить на поставленный выше вопрос (для этого мне потребовалось бы прояснить, по-видимому, неясную для самих философов баденской школы проблему обоснования норм, которыми якобы обосновывается все истинное знание, порассуждать о правомерности приравнивания этих норм к основаниям логического вывода, учитывая, что последовательное развитие мысли Г. Риккерта должно было заставить искать основания истинности логических правил вывода в соответствии каким-то нормам, и, значит, утверждать, что нормы стоят не только над всяким эмпирическим знанием, не только над генерализирующими (в естествознании) и индивидуализирующими (в исторических науках) методами, но и над самой логикой, вспомнить, что именно такого рода рассуждения привели неопозитивистов к отрицанию научного (верифицируемого) статуса логики и математики, а это, в свою очередь, совершенно не удовлетворяло К. Айдукевича, а также многое и многое другое), но понял, что для этого не хватит — не места и времени, как обычно говорят в таких случаях, — а собственной моей историко-философской компетенции. Не стоит превращать посылную лепту в натужную попытку с наскоку охватить всю открывающуюся при этом перспективу исследования. Повторю слова Айдукевича: «На этом я остановлюсь, сознавая, что затронутые вопросы заслуживают более глубокого анализа, которым здесь мы заниматься не будем».

В заключение я хотел бы сказать, что было бы совершенно неверно зачислять публикуемую здесь статью К. Айдукевича по разряду всего лишь любопытных историко-философских case-studies. Она и сегодня поучительна в нескольких отношениях. Во-первых, она, безусловно, стимулирует новые размышления над старыми проблемами, из которых проблема трансцендентализма выглядит едва ли не самой интересной и важной. Во-вторых, она заставляет нас вспомнить и признать, что работы неокантианцев до сих пор не были должным образом проанализированы в отечественной литературе; хотя есть ряд ценных исследований, принадлежащих маститым авторам (К. С. Бакрад

зе, В.Ф.Асмус, А.С.Богомолов, А.Ф.Зотов, Н.В.Мотрошилова и др.), но они были в большинстве своем сделаны в те годы, когда необходимость «критики буржуазной философии» слишком мешала выявить имманентную логику неокантианской философии, ее взаимосвязи с предшествующим и особенно последующим историко-философским процессом. Между тем влияние Марбургской и Баденской школ прослеживается в работах едва ли не всех крупнейших философов XX века, и я рискну предположить, что в ближайшее время (а значит, уже в новом столетии) интерес к ним не ослабнет, а, напротив, усилится. Некоторые публикации последних лет (назову, например, вступительную статью Б.В.Маркова к переизданию книги Г.Риккерт «Границы естественнонаучного образования понятий»¹⁹), кажется, позволяют надеяться, что это уже вскоре даст хорошие аналитические результаты. В-третьих, статья К.Айдукевича актуализирует давнюю, но все еще недостаточно изученную проблему: можно ли считать знаменитые логико-семантические результаты А.Тарского «философски-нейтральными»? Мы знаем, какое огромное влияние эти результаты оказали на эволюцию неопозитивистской и постпозитивистской философии науки. Но следует ли рассматривать это влияние по аналогии с тем, какое вообще оказывали на философию выдающиеся достижения математиков, физиков, биологов, историков и психологов — или же, как полагали многие энтузиасты, это внутреннее эпохальное событие философии, во многом изменившее ее проблемное поле и методологический арсенал?

Примечания

- ¹ Айдукевич К. Картина мира и понятийный аппарат // Философия науки. Вып. 2. Гносеологические и логико-методологические проблемы. М., 1996. С. 231-253.
- ² Я подробно рассматривал становление и содержание этой концепции, а также ее связь с постпозитивистскими идеями в философии науки: Порус В.Н. «Радикальный конвенционализм» К.Айдукевича и его место в дискуссиях о научной рациональности // Философия науки. Вып. 2. Цит. соч. С. 254-270.
- ³ Айдукевич К. Цит. соч. С. 250.
- ⁴ Именно так называлась одна из его последних монографий: *Ajdukiewicz K. Logika pragmatyczna*. W-wa, 1965.
- ⁵ *Ajdukiewicz K. Logika i doswiadczenie // Przegląd filozoficzny*, 1947, XLIII, № 1; *Zagadnienie empiryzmu a koncepcja znaczenia // Studia filozoficzne*, 1964, № 1.
- ⁶ Айдукевич К. Цит. соч. С. 232.
- ⁷ *Ajdukiewicz K. Logika i doswiadczenie*, op. cit. S. 58.

- ⁸ См.: *Хюбнер К.* Критика научного разума. М., 1994.
- ⁹ См.: *Rescher N.* Many-valued logic, N. Y., 1969.
- ¹⁰ См. подробнее об этом: *Wolecki J.* Filozoficzna szkoła Lwowska-Warszawska, W-wa, 1985. S. 198-203.
- ¹¹ См.: *Tarski A.* Pojęcie prawdy w językach nauk dedukcyjnych, Warszawa, 1933; *Тарский А.* Семантическая концепция истины и основания семантики // Аналитическая философия: становление и развитие. М., 1998. С. 90-129.
- ¹² О применении логико-семантических идей А. Тарского к критике субъективного идеализма см.: *Ajdukiewicz K.* Epistemologia i semiotyka // *Przegląd filozoficzny*, XXIV, № 3-4 1948.
- ¹³ *Виндельбанд В.* История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. Т. 2. От Канта к Ницше. СПб., 1905. С. 378.
- ¹⁴ *Виндельбанд В.* Прелюдии. Речи и статьи. СПб., 1904. С. 37.
- ¹⁵ По мнению А.С. Богомолова, риккертское «сознание вообще» близко фихтевскому «абсолютному Я», лишенному, однако, действительной природы (Богомолов А.С. Немская буржуазная философия после 1865 г. М., 1969. С. 48). Замечание о действительной природе, впрочем, не вполне ясно, так как «чистое сознание» только и обнаруживается как нечто действующее.
- ¹⁶ *Риккерт Г.* Философия истории // *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 167.
- ¹⁷ Вероятно, наиболее красноречивым свидетельством этого была попытка К. Гемпеля универсализировать дедуктивно-номологическую схему объяснения, распространяя ее на область истории. См.: *Гемпель К.* Функция общих законов в истории // *Гемпель К.* Логика объяснения. М., 1998. С. 16-31. В этой статье, впервые опубликованной в 1942 г., Гемпель пытается показать, что «общие законы имеют достаточно аналогичные функции в истории и в естественных науках, что они образуют неотъемлемый инструмент исторического исследования» (с. 16).
- ¹⁸ Имеется в виду «теорема Тарского»: если теория Т выражена в формализованном языке исчисления предикатов первого порядка, включающем арифметику натуральных чисел, то истинность формул теории Т не может быть доказана средствами Т.
- ¹⁹ *Марков Б.В.* Свообразие исторического (Объяснение, понимание, оценка в философии истории Г.Риккерта) // *Риккерт Г.* Границы естественнонаучного образования понятий. СПб., 1997. С. 5-50.